ИЗ АРХИВА МИССИС БАЗИЛЬ Э. ФРАНКВАЙЛЕР, САМОГО ЗАПУТАННОГО В МИРЕ

Э. Л. Конигсбург

Э. Л. Конигсбург

Из архива миссис Базиль Э. Франквайлер, самого запутанного в мире

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10219751
Из архива миссис Базиль Э. Франквайлер, самого запутанного в мире: повесть / Э. Л. Конигсбург; пер. с англ. Е. Канищевой; художник В. Калачёва: Розовый жираф; Москва; 2010
ISBN 978-5-4370-0104-2

Аннотация

Эмма знала: классический побег из дома – не для нее. Поэтому она и решила убежать не «откуда», а «куда» – в удобное, просторное, теплое, а главное, красивое место. Так Эмма и ее брат Джимми поселились в знаменитом музее изобразительных искусств Метрополитен в Нью-Йорке – как раз в тот момент, когда в музее появилась таинственная скульптура неизвестного мастера Возрождения…

Сорок лет переизданий, две экранизации, полтора десятка переводов на иностранные языки и миллионы преданных читателей составили этой книге, любимой и детьми, и взрослыми, заслуженную репутацию современной детской классики.

В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Э. Л. Конигсбург
Из архива миссис Базиль Э. Франквайлер, самого запутанного в мире

FROM THE MIXED UP FILES OF MRS. BASIL E. FRANKWEILER

by E. L. Konigsburg

Russian language @ 2010 by Pink Giraffe books
Original English language copyright 1967.
Published by arrangement with Atheneum Books For Young Readers, an imprint of Simon and Schuster Children's Publishing Division
All rights reserved.
No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any informations storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.
Copyright © 1967 by E. L. Konigsburg
Copyright renewed © 1995 by E. L. Konigsburg

Afterword copyright © 2002 by E. L. Konigsburg
Cover photo of museum copyright © 2007 by Andrew Prokos
Cover photo of kids copyright © 2002 by Barry David Marcus

Автор проекта **Алиса Вест**
Иллюстрации **Вероники Калачёвой**
Перевод с английского **Евгении Канищевой**

Переводчик благодарит Наталью Калошину за бесценную помощь в работе над текстом.

Издательство благодарит Таню Тулякову и Лизу Кузенкову за помощь в работе над книгой.

© Э. Л. Конигсбург, текст, 1967
© Е. Канищева, перевод, 2010
© В. Калачёва, иллюстрации, 2010
© Детское издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2010

*** * ***

Моему адвокату Саксонбергу

Откровенно говоря, я далеко не в восторге от вашего последнего визита. Вы были настолько поглощены своими заботами, что совсем меня не слушали. Интересуй вас хоть что-нибудь в этом мире, кроме законов, налогов и ваших внуков, вы могли бы стать почти сносным собеседником. Почти. Но в нашу последнюю встречу я чуть не помфла со скуки. Еще одной такой пытки я не вынесу — во всяком случае, в ближайшее время. Вот почему это письмо вам доставит Шелдон, мой шофер. Из письма вы узнаете о том, какие изменения следует внести в мое завещание, и о многом другом. Естественно, это копия; оригинал я оставляю у себя. Сама я на страницах письма появлюсь ближе к концу, но это неважно. Там и до моего появления найдется для вас много интересного.

Скажу без ложной скромности, во мне, оказывается, скрывался писательский талант, а вы и не знали, правда? И сейчас не знаете, но скоро узнаете. О, я долго корпела над письмом. Слушала. Думала. Собирала эту головоломку по кусочкам. И наконец она сложилась. Так что читайте, Саксонберг. Вас ждут великие

Глава 1

Эмма точно знала: классический побег из дома – не для нее. Классический – это когда разозлишься на родителей, схватишь что попало, запихнешь в рюкзак и бежишь куда глаза глядят. Эмма же любила комфорт и уют. А вот пикники, например, терпеть не могла: трава колется, солнце печет, глазурь с булочек капает на платье, да еще эта мошкара! Поэтому, решила Эмма, побег из дома должен быть не просто побегом. Убежать – это полдела. Важно, куда при-

бежишь. И это «куда» должно быть удобным, просторным, теплым, а главное – красивым. Потому-то она и выбрала Метрополитен. Тот самый, знаменитый музей изобразительных искусств Метрополитен в Нью-Йорке.

К подготовке побега Эмма подошла очень серьезно. Во-первых, нужно было накопить денег. Во-вторых – выбрать себе спутника.

Ее выбор пал на Джимми, среднего из братьев. Джимми умел держать язык за зубами, и у него было чувство юмора. А главное, у него водились денежки. В отличие от других мальчишек, Джимми не тратился на дурацкие открытки с портретами бейсболистов. Каждый цент он отправлял в копилочку!

Но Эмма не торопилась сообщать брату, что в его судьбе наметились перемены. Да, Джимми умел молчать, но ведь не целую вечность! А Эмме нужно было, чтобы он молчал целую вечность, то есть до тех пор, пока она не накопит достаточно денег. Устраивать побег без денег – затея совершенно бессмысленная. Уж эти-то простые истины она за свою жизнь усвоила.

Деньги ей давали раз в неделю. Нужно было скопить на билет и еще на кое-какие расходы. Вот тогда и можно будет поставить Джимми перед фактом и приступить к окончательному планированию.

Между тем Эмма почти забыла, почему она решила убежать из дома. Кажется, это было как-то связано с несправед-

ливостью. Ей и вправду приходилось терпеть много несправедливостей: она ведь была старшим ребенком в семье, да к тому же единственной девочкой. Может, мысль о побеге впервые пришла ей в голову, когда она в очередной раз одна-одинешенька доставала из буфета чистые тарелки и накрывала на стол, а братья делали вид, что их это не касается. А может, была другая причина, не очевидная для самой Эммы, зато понятная мне: ей надоело, что ее дни тянулись один за другим, похожие, как близнецы. Ей надоело быть просто Эммой Кинкейд, круглой отличницей. Надоело спорить, чья очередь выбирать воскресную передачу по телевизору. Она устала от несправедливости и от унылого однообразия.

Вот, кстати, еще один пример несправедливости: денег Эмме давали катастрофически мало. Чтобы купить билет на электричку до Нью-Йорка, она должна была целых три недели отказывать себе в любимом шоколадном пломбире. (Вы-то, Саксонберг, ездите в город на машине и небось понятия не имеете, сколько стоит билет на электричку. А я вам скажу. Взрослый билет в один конец – доллар шестьдесят. Но Эмма и Джимми могли ехать по детским билетам, потому что Эмме оставался еще месяц до двенадцати лет, а Джимми и вовсе было девять.) Эмма не собиралась покидать дом навсегда – конечно, она вернется, но пусть сперва они на-

учатся ее ценить! Значит, нужно накопить денег и на обратный билет (к тому времени, между прочим, придется покупать уже взрослый). А самое обидное – Эмма прекрасно знала, что сотни людей из их городка работают в нью-йоркских конторах и, стало быть, могут себе позволить полный билет в оба конца каждый день. Да вот хоть ее папа. В конце концов, их Гринвич – самый что ни на есть пригород Нью-Йорка.

Вообще-то, думала Эмма, до Нью-Йорка слишком близко. Учитывая все обиды, которые ей пришлось претерпеть, следовало бы убежать гораздо дальше. С другой стороны, Нью-Йорк – идеальное место, чтобы пропасть без вести. Дамы из маминого маджонг-клуба[1] называли его *городом*. Редко кто из них отваживался сунуть туда нос: ах, в *городе* так шумно, говорили они, так утомительно, так нервно! Когда Эмма была в четвертом классе и их возили на экскурсию по историческим местам Манхэттена, Джонни Рихтера не пустила мама. Сказала, что в этой ужасной суматохе и давке он непременно отстанет от группы и потеряется, а потом ищи его в бюро находок! И еще она говорила, что в этом Нью-Йорке ужасный воздух и ее сыночку будет совершенно нечем дышать.

А Эмма любила *город*. Он был элегантен, внушителен и многолюден. Лучшее место в мире для человека, кото-

---

[1] Маджонг – «китайское домино», настольная азартная игра. *(Здесь и далее – примечания переводчика.)*

рый хочет спрятаться и затеряться! Эмма изучила карту города и путеводитель Автомобильной ассоциации Америки. Припомнила маршруты всех экскурсий, на которых побывал их класс. Даже раскопала дома брошюры о Метрополитене и понемножку их читала.

Еще Эмма решила, что должна научиться отказывать себе. Во многом. Для начала придется обойтись без шоколадного пломбира. Это будет полезное упражнение. Хватит с нее и шоколадных сырков, которые всегда водятся в холодильнике. Обычно расходы Эммы на пломбир составляли сорок центов в неделю; оставалось еще десять центов, и она раз в неделю решала, как ими распорядиться. Эти минуты были самыми захватывающими в ее жизни (конечно, до того как она надумала бежать из дому). Но порой у Эммы не оставалось даже этих десяти центов: ее лишали законного заработка всякий раз, когда она забывала о своих обязанностях – например, застилать постель. Она была уверена, что никому в классе не дают так мало денег, как ей. И ни у кого не отбирают деньги за провинности, потому что у всех есть домработницы, которые застилают постели и делают все остальное; а к ним всего два раза в неделю приходят мыть полы. Однажды, вскоре после того как Эмма начала копить на побег, в магазине устроили скидку на шоколадный пломбир. «Всего 27 центов!» – гласила вывеска. И Эмма не выдержала, купила себе порцию – ведь это отложит побег всего на каких-то двадцать семь центов. Приняв решение бежать, она полю-

била строить планы ничуть не меньше, чем тратить деньги. У нее оказался настоящий талант – планировать, долго и тщательно.

Джимми – брат, которого Эмма выбрала в сообщники, – шоколадным пломбиром не интересовался, хотя запросто мог бы лакомиться им как минимум дважды в месяц. У него были другие интересы. Полтора года назад Джимми совершил крупную покупку: на все деньги, которые ему подарили на день рождения и Рождество, приобрел в «Вулвортсе»[2] японский транзисторный приемник, а потом еще докупал для него батарейки. Радио, пожалуй, им понадобится. Вот и еще одно доказательство того, что Эмма не ошиблась в выборе.

По субботам Эмма выносила мусорные корзины – занятие, которое она глубоко презирала. Их было так много! У каждого члена семьи – собственная комната и собственная корзина (кроме мамы и папы, у которых то и другое было общее). Вдобавок Стив именно по субботам вытряхивал в мусор стружки из карандашной точилки. Эмма не сомневалась, что это он нарочно.

Однажды в субботу, вынося корзину из родительской комнаты, она слегка потрясла ее, чтобы содержимое улеглось плотнее и не сыпалось на пол. У мамы с папой всегда была самая полная корзина, потому что она у них одна на двоих. Когда Эмма тряхнула корзинку, из-под салфеток

[2] «Вулвортс» – сеть дешевых универмагов.

со следами помады показался уголок красного прямоугольника. Она извлекла его кончиками пальцев, словно пинцетом. Это оказался проездной билет до Нью-Йорка на десять поездок. Обычно такие билеты оседают не в мусорных корзинах пригородных домов, а в карманах контролеров. Девять поездок контролер отмечает, пробивая на билете дырочки компостером, а на десятый раз забирает билет. Женщина, которая в прошлую субботу приходила к ним убирать, наверно, увидела девять дырочек и подумала, что проездной уже не пригоден. Она-то никогда не ездила в Нью-Йорк, а Эммин папа не следил за такими пустяками, как мелочь и проездные билеты.

Один взрослый билет – все равно что два детских. Теперь Эмма и Джимми могли просто сесть в электричку и спокойно ехать, не покупая билетов в кассе и не боясь, что дежурный по вокзалу начнет приставать с дурацкими вопросами. Какая находка! Из мусорной корзины, из салфеток, выпачканных помадой, Эмма выудила бесплатную поездку. Это знак, решила она. Это приглашение в путь. Решено, они отправляются в среду!

В понедельник днем, на остановке, Эмма попросила Джимми сесть в школьном автобусе рядом с ней: ей нужно сказать ему очень важную вещь. Обычно сестра и братья не дожидались друг друга и были сами по себе – кроме Кевина, за которым все по очереди присматривали, каждый по неделе. Занятия в школе начинались в среду по-

сле Дня труда[3]; следовательно, их «трудовая повинность», как называла это Эмма, тоже всегда начиналась по средам. Кевину было всего шесть, он учился в первом классе, и все с ним чересчур носились, особенно мама – так считала Эмма. Еще она считала, что Кевин – маменькин сынок, безнадежно избалованный и испорченный. По идее, к рождению четвертого ребенка родители должны были уже чему-то научиться. Однако же не научились. Кстати, Эмма что-то не могла припомнить, чтобы в первом классе за ней кто-нибудь «присматривал». Мама просто встречала ее каждый день на автобусной остановке.

Джимми подчинился с большой неохотой. Он хотел, как всегда, сидеть рядом со своим другом Брюсом. Обычно в автобусе они играли в карты, каждый день доигрывая вчерашнюю партию. (Если вам, Саксонберг, интересно, то играли они в «войнушку». Игра эта довольно простая и не слишком изысканная. Вы кладете карту, ваш соперник кладет свою, и тот, чья карта старше, забирает обе. Если же у обоих выпадают карты одного достоинства, тут и начинается «войнушка»: игроки снова выкладывают по карте, и победитель забирает все.) По вечерам, перед тем как выйти из автобуса, Брюс забирал свою часть колоды, а Джимми – свою, и оба давали друг другу слово не тасовать карты. Выглядело это так: когда автобус подъезжал к дому Брюса, игра прекращалась, каждый перехватывал свои карты резинкой и, плюнув

[3] День труда в США отмечают в первый понедельник сентября.

на карты друга, произносил страшные слова: «Да отсохнет твоя рука, если перетасуешь!» – после чего клал свою стопку в карман.

Эмма находила этот ритуал омерзительным, поэтому не испытывала ни малейших угрызений совести, отрывая брата от его драгоценной игры. Джимми с самым мрачным видом плюхнулся на сиденье и втянул голову в плечи. Нахохленный, с поджатыми губами и нахмуренными бровями, он был похож на маленького стриженого неандертальца. Эмма молчала – ждала, пока брат остынет.

Джимми заговорил первым:

– Слушай, Эм, ну почему б тебе не сказать эту твою важную вещь Стиву?

– Потому что Стиву я не хочу ее говорить – непонятно, что ли?

– А ты захоти! – настаивал Джимми. – Захоти, а?

– Джимми, – Эмма решила, что пора произнести заранее

заготовленную фразу, – нас ждет величайшее приключение в жизни! И я выбрала тебя в спутники.

– Выбрала б кого-нибудь другого, – пробурчал Джимми.

Эмма не ответила и отвернулась.

– Ну ладно, – сказал Джимми, – раз уж ты меня выдернула, давай рассказывай.

Эмма по-прежнему смотрела в сторону. Джимми заерзал:

– Эй, выкладывай, говорю, раз уж ты меня тут держишь!

Эмма молчала.

– Убиться! – взорвался Джимми. (У него получалось «убицца».) – Сперва сорвать мне игру, а потом играть в молчалку. Так нечестно!

– В молчанку.

– Чего?

– Не чего, а что. Играть в молчанку. А не в молчалку.

– Зануда! Давай, колись!

– Нам предстоит величайшее приключение в жизни, и я выбрала тебя, – повторила Эмма.

– Спасибо, – фыркнул Джимми. – Это я уже слышал. И что дальше?

– Я решила убежать из дома. Вместе с тобой.

– А почему со мной? Почему не со Стивом?

Эмма вздохнула:

– Потому что из-за Стива я и решила бежать. Не только из-за него, конечно. Короче, не хочу со Стивом. Хочу с тобой.

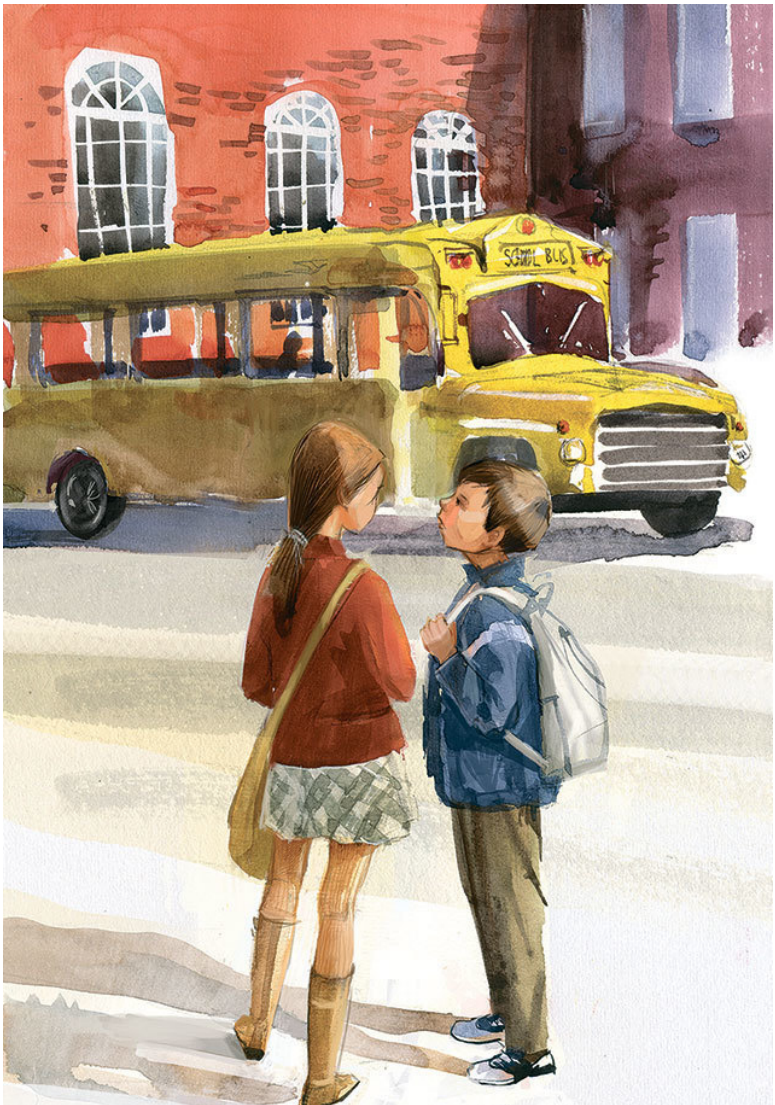
Джимми против собственной воли ощутил себя польщенным. (Лесть – великая сила, верно, Саксонберг? Дайте ей, как Архимеду, точку опоры – и она перевернет мир!) На смену мысли: «Почему я?» – пришла другая: «Меня избрали! Я – избранный!» Джимми расправил плечи, приосанился и заговорщицки прошептал, почти не разжимая губ:

– Ладно, Эм, все ясно. Значит, рвем когти. Когда?

«Что за выражения?!» – хотела было возмутиться Эмма, но сдержалась.

– В среду. Слушай внимательно. План таков…

– План должен быть сложным! – перебил Джимми. – Чем сложнее, тем лучше. Обожаю трудности!


SCHOOL BUS

Эмма улыбнулась.

– Слишком сложный не сработает! Нужно проще, тогда все получится. Это будет в среду, потому что в среду – уроки музыки. Я вытащу скрипку из футляра и сложу туда свои вещи. А ты свои положишь в футляр от трубы. Возьми побольше чистых трусов, маек, носков и хотя бы одну запасную рубашку.

– По-твоему, все это влезет в футляр от трубы? Это же труба, а не контрабас!

– Что не поместится – сунешь ко мне. Портфель тоже возьми. И транзистор!

– А можно я буду в кроссовках? – спросил Джимми.

– Конечно! Вот тебе и еще один плюс: не нужно будет все время носить ботинки.

Джимми улыбнулся, и Эмма поняла, что момент настал.

– И деньги захвати… все, какие есть, – сказала она равнодушным голосом. – Кстати, сколько их у тебя?

Джимми отвернулся к окну:

– А тебе зачем?

– Ради бога, Джимми. Мы вместе или нет? Если мы вместе, значит, у нас не должно быть секретов друг от друга. Так сколько?

– А тебе можно доверять? Не проболтаешься?

Эмма обиделась:

– А я спрашивала, можно ли тебе доверять? Или, может,

просто взяла и доверилась?!

Она сжала губы и с шумом выпустила воздух из ноздрей. Будь этот звук чуть громче, можно было подумать, что она презрительно фыркнула.

– Понимаешь, Эм, – прошептал Джимми, – дело в том, что денег у меня много.

В один прекрасный день, подумала Эмма, этот ее братец наверняка станет финансовым магнатом. В крайнем случае – адвокатом и консультантом по налогам, как дедушка.

– Эм… – продолжал Джимми, по-прежнему не глядя на сестру. – Ты только папе с мамой не говори. Понимаешь, я играю… на деньги… Мы с Брюсом играем. По пятницам мы считаем, у кого сколько карт скопилось за неделю, и он отдает мне мой выигрыш. Два цента за карту, а за туза – пять. А у меня всегда больше карт, чем у него, и среди них всегда хотя бы один туз.

Эмма не выдержала:

– Да скажи ты наконец! Четыре доллара? Пять? Сколько?

Джимми уткнулся носом в стекло и нараспев произнес:

– Двадцать четыре доллара сорок три цента.

Эмма ахнула и зажала рот рукой. Джимми повернулся и, довольный ее реакцией, добавил:

– А если подождем до пятницы, будет ровно двадцать пять.

– Как это? Тебе же дают всего двадцать пять центов в неделю! Двадцать четыре сорок три плюс двадцать пять –

это двадцать четыре доллара шестьдесят восемь центов. – Эмма всегда была очень внимательна к деталям.

– А остальное я выиграю у Брюса.

– Ну что ты говоришь, Джимми? Откуда ты можешь знать в понедельник, что выиграешь в пятницу?

– Знаю, и все.

– Но откуда?

– Не скажу.

Джимми посмотрел сестре в глаза. Вид у нее был озадаченный, и он победно улыбнулся. А Эмма улыбнулась в ответ, потому что в этот миг окончательно убедилась: из троих братьев она выбрала именно того, кого нужно. Они с Джимми идеально дополняли друг друга. Она предпочитала осторожность во всем, кроме денег, которых у нее никогда не было, а он обожал риск – во всем, кроме денег, которые у него всегда были. Больше двадцати четырех долларов, ничего себе! Да еще у нее четыре доллара восемнадцать центов. Можно ни в чем себе не отказывать. Это будет *шикарный* побег!

– Ну, что скажешь? Подождем до пятницы?

Эмма с минуту поколебалась.

– Нет. Решено: в среду. Я тебе напишу подробный план. Никому его не показывай! Прочтешь, запомнишь все указания и уничтожишь записку.

– Я должен ее съесть? – просиял Джимми.

– Еще не хватало! Порвешь на мелкие кусочки и выбросишь в мусорную корзину. В нашей семейке в эти корзины

все равно никто не заглядывает, одна я.

И то только если там не мокро и нет карандашных очисток. И пепла.

– Нет уж, – сказал Джимми. – Я лучше съем. Люблю трудности!

– Ага, и целлюлозу, – усмехнулась Эмма и пояснила: – Это из чего бумагу делают.

– Знаю я.

Больше они не обменялись ни словом, пока не вышли из автобуса на своей остановке. Вслед за ними выпрыгнул Стив.

– Эм-ма! – завопил он. – Эм! Твоя очередь пасти Кевина. Попробуй только забудь – маме скажу.

Эмма побежала назад к автобусу, схватила Кевина за руку и поволокла за собой.

– Хочу со Сти-и-ивом! – заскулил Кевин.

– Я тоже хочу, чтоб ты со Сти-и-ивом, рева-корова, – ответила Эмма. – Но так уж вышло, что сегодня я за тобой присматриваю.

– А потом кто будет подсматривать?

– В среду начинается очередь Стива.

– Хочу, чтоб каждую неделю очередь Стива! – ныл Кевин.

– Вот все и будет как ты хочешь. И, между прочим, очень скоро!

Но Кевин не понял намека – ни тогда, ни позже – и продолжал дуться до самого дома.

Глава 2

Во вторник вечером Джимми обнаружил у себя под подушкой план побега, приколотый булавкой к пижаме. Первый пункт плана был таким: «Забудь про уроки! Начинаем сборы». (Хочу заметить, Саксонберг, что предусмотрительность Эммы приводит меня в восторг. Для нее нет мелочей, она все учитывает, совсем как я.

В плане, написанном для Джимми, было даже указание, что делать с трубой, когда он вынет ее из футляра: завернуть

в запасное одеяло, которое всегда лежало в ногах его кровати.)

Выполнив все инструкции, Джимми принес из ванной полный стакан воды, сел на кровать, скрестив ноги по-турецки, и откусил кусок записки. Вкус у бумаги был, как у той жвачки, которую он однажды жевал пять дней кряду, только бумага была чуточку тверже. К тому же чернила оказались не водостойкими, и зубы у него окрасились в синий цвет. Джимми героически проглотил первый кусочек и попробовал откусить еще один, но сдался. Он порвал записку, а клочки скомкал и выбросил в мусор. Потом пошел и почистил зубы.

Наутро Эмма и Джимми действовали строго по плану. Как обычно, они сели в школьный автобус, только не на привычные места, а на заднее сиденье. Когда автобус подъехал к школе, все вышли, а они остались. Как и было предусмотрено планом, этого никто не заметил. В автобусе, как все-

гда, была толкотня и суматоха, кто-то искал тетрадку, кто-то – варежки, все спешили поскорее выпрыгнуть, и никто не глазел по сторонам. Чтобы Герберт, водитель, не увидел их в зеркале, Эмма и Джимми поджали ноги и пригнули головы. Если бы их застукали, тогда, согласно плану, следовало отправляться в школу и изображать из себя прилежных учеников. Что было бы не так-то просто без учебников, тетрадок и музыкальных инструментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.